Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. Почему появилась и как написана эта книга 7

ГЛАВА 1. Незаметный цвет (от начала времен до XIV века) 11
Первые розовые пигменты 11
Телесный цвет в Античности 14
Краски, украшения и одежда 19
Первые классификации, первые системы 23

ГЛАВА 2. Цвет, вызывающий восхищение (XIV–XVI века) 31
Новые моды 31
Первые рецепты приготовления розовой краски 36
Прекраснейший из цветов 40
Рисунок или колорит? 45

ГЛАВА 3. Цвет в поисках имени (XVI–XVIII века) 50
Лексика в затруднении 50
Царица цветов 54
От цветка к цвету 56
На заре романтизма 60

ГЛАВА 4. Неоднозначный цвет (XVIII–XXI века) 65
От мужского к женскому 65
От дам к девочкам 68
Безвкусица, распущенность и порнография 71
Нежность, удовольствие, современность 75

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 80

БЛАГОДАРНОСТИ 84

Примечания 85

Библиография 97

Предисловие. Почему появилась и как написана эта книга

Является ли розовый цветом в полном смысле слова? Позволительно усомниться в этом, или, во всяком случае, поставить это под вопрос. Современная наука отказывает ему в полноценном хроматическом статусе: она не рассматривает розовый ни как цвет-вещество, ни как цвет — разновидность света, а лишь как один из оттенков красного, который отсутствует в солнечном спектре. Когда в 1666 году Исаак Ньютон смог разложить белый солнечный свет на разноцветные лучи, он не обнаружил среди них розового, хотя наряду с красным, желтым, зеленым и синим там наличествовали фиолетовый и оранжевый. С тех пор физика и все смежные с ней науки неизменно отказывались признавать в розовом подлинный цвет — не только как самостоятельный, но даже как полноправную «полуцветовую» категорию; лишь как оттенок.

Для историка дело обстоит сложнее. С одной стороны, не подлежит сомнению, что розовую краску, как для живописи, так и в красильном деле, люди научились изготавливать сравнительно поздно; с другой стороны, человеческий глаз сравнительно рано стал различать этот цвет в природе, и возникла необходимость подобрать ему название и попытаться определить его место среди прочих цветов. Так как же определить этот цвет, который часто можно увидеть у растений и минералов, на шерсти и оперении животных и птиц и даже на небе, в момент, когда солнце встает и когда оно садится? Долгое время лексика была неспособна это сделать: ни в древнегреческом, ни в латинском языке не было общеупотребительного слова для обозначения розового.

Проблема не была решена и позднее, в местных европейских языках Средневековья и раннего Нового времени: базовый термин появился только в XVIII веке, когда цвет получил свое название от цветка: во французском,

немецком и итальянском это была роза, в английском — гвоздика. Но какое место должен занимать этот цвет в ordo colorum, цветовом порядке ученых, или на любой хроматической шкале?

Долгие столетия для него не находилось места, потому что у него не было имени, а классификация — это прежде всего вопрос лексики. В самом деле, розового нет ни в одном перечне цветов, какие оставили нам Античность и Средние века; отсутствует он также в поэмах и хрониках, в трактатах или энциклопедиях, повсюду, где речь идет о цветах.

Однако с середины XV века положение меняется: в эту эпоху в хроматических каталогах для определения красок начинают применяться не только их словесные описания, но и наглядные образцы; и розовый наконец обретает свое место, не очень заметное, разумеется, но все же неоспоримое. Помимо прочего, нам приходится отметить один факт, который нас удивляет: оказывается, до того, как розовый был встроен в гамму красных тонов, он считался одним из оттенков желтого — бледно-желтым, в большей или меньшей степени близким к оранжевому, поскольку ни красильщики, ни живописцы тогда еще не умели передавать яркие, насыщенные розовые тона. Они добьются этого только в XVIII веке, и с этого времени за розовым закрепится новое определение: цвет, получаемый путем смешения красного и белого. И соответственно, отныне он обладает статусом «смешанного» цвета, наряду с фиолетовым, серым, коричневым и оранжевым.

Как мы видим, история розового полна неясностей, крутых поворотов, и пересказать ее нелегко — потому что этот цвет долгое время казался неуловимым, нестойким, эфемерным, не поддающимся ни анализу, ни синтезу. Наверное, именно поэтому так мало исследований, посвященных этому цвету, по крайней мере в историческом плане. Большинство известных нам работ охватывают только несколько последних десятилетий. И зачастую они разочаровывают, так как проблемы цвета рассматриваются в них преимущественно в гендерном аспекте: розовый — женский цвет, синий — мужской. Не следует забывать, что такое разграничение по половому признаку характерно лишь для сравнительно краткого периода, к тому же оно представляет только одну грань богатой символики розового. Начиная с XVIII века этот цвет наконец завоевывает себе место в повседневной жизни и обзаводится собственной символикой, независимой от символики красного, желтого и белого. Он заслуживает, чтобы на него обратили внимание. Тем более что в дальнейшем у розового обнаруживаются различные нюансы, которые постепенно становятся еще многочисленнее, проявляясь даже в соседстве с другими оттенками, а его название обрастает различными переносными смыслами и порождает различные образные выражения и устойчивые словосочетания, порой положительные («видеть жизнь

в розовом свете»), порой отрицательные («розовая водица»). И если наука не признает розовый цветом, в материальной культуре, вестиментарных традициях и социальных кодах, которые их сопровождают, это, безусловно, цвет, самостоятельный и выразительный.

На основании всего этого розовый может служить примером для того, чтобы проиллюстрировать и подчеркнуть расхождение между научными теориями и социальными практиками, которое мы наблюдаем, когда дело касается цветов. Слишком часто в различных областях жизни физика и химия навязывают свои постулаты обществу. Приходится признать, однако: с цветами дело обстоит иначе. И это не огорчает историка, а, напротив, только радует: что бы ни гласил суровый вердикт науки, розовый, так же, впрочем, как белый или черный, — это цвет с полноценным хроматическим статусом.

*

Книга «Розовый. История цвета» — седьмая по счету в серии, которая была начата двадцать пять лет назад. Ей предшествовали «Синий. История цвета» (2000), «Черный. История цвета» (2008), «Зеленый. История цвета» (2013), «Красный. История цвета» (2016), «Желтый. История цвета» (2019), «Белый. История цвета» (2022); все они опубликованы в издательстве Seuil[1]. Как и предыдущие, она выстроена в хронологическом порядке: это история розового, а не энциклопедия розового, и не исследование его судьбы только в современную эпоху, как в немногих посвященных ему работах. Моей целью было проследить судьбу этого цвета за длительный период и во всех аспектах, от лексики до символики, включая повседневную жизнь, социальные практики, научное знание, применение в технике, религиозную мораль, художественное творчество, мир эмблем и знаков. Слишком часто в работах, претендующих на то, чтобы рассказать историю цвета, все сводится к единственной области — области изобразительного искусства. Такое сужение круга тем неправомерно. История живописи — это одно, история цвета — другое, нечто гораздо более масштабное, и нет никаких оснований ограничивать ее рамками наиболее близких нам эпох.

Следует также добавить, что эта книга, как и шесть предыдущих, только на первый взгляд представляет собой монографию. Цвет никогда не существует сам по себе. Он обретает свой смысл, он «работает» в полную силу с социальной, лексической, художественной или символической точки зрения, только в ассоциации или в противопоставлении с каким-либо другим или несколькими другими цветами. По этой же причине цвета невозможно рассматривать по отдельности. Если вы решили говорить о розовом,

вам неизбежно придется говорить о красном, белом, синем, даже о зеленом или желтом. Сейчас эти семь книг составляют здание, над строительством которого я работаю более полувека: история различных цветов в обществах Западной Европы, от Древнего Рима до конца XVIII века. Даже если, как вы увидите на последующих страницах или можете увидеть в других шести книгах, случается, что я и в одну, и в другую сторону выхожу далеко за рамки этого — впрочем, и так весьма длительного — периода, именно он является основной целью моих исследований. Кроме того, я сознательно ограничиваю исследуемый материал западноевропейскими обществами, поскольку для меня проблемы цвета — это прежде всего проблемы общества. А я как историк не обладаю достаточной компетенцией, чтобы говорить обо всей планете в целом, и не имею желания воспроизводить по второму или третьему разу труды исследователей, занимающихся неевропейскими обществами. Чтобы не писать глупости, чтобы не списывать или воровать из чужих книг, я ограничиваю себя тем, что я знаю и что с 1983 года является темой моих семинаров в Практической школе высших исследований. Приношу всем моим студентам, аспирантам, ассистентам и слушателям горячую благодарность за наш плодотворный обмен мнениями, который, надеюсь, будет продолжен в различных местах и научных учреждениях. Ведь цвет вообще — явление, затрагивающее каждого, связанное со всеми проблемами в жизни общества, как материальными, так и культурными. И розовый цвет — не исключение.